

Рис. Пространственная модель мусульманского кладбища Биш-Балта и прилегающей территории.

В-третьих, модель построена на основе геодезической съемки и дает возможность с довольно высокой точностью проводить необходимые линейные измерения, изучать рельеф местности, вести наблюдения за береговой линией.

В-четвертых, включение модели в качестве иллюстрации в различного рода тематические публикации о кладбище Биш-Балта дает возможность читателю иметь конкретное представление об объекте, описываемом автором. Это избавит автора от словесного описания территории кладбища и ее окрестностей.

Таким образом, в результате исследований была проведена геодезическая съемка кладбища Биш-Балта с прилегающей к ней территорией и фотограмметрическая съемка каждого сохранившегося надгробного камня, находящегося на территории кладбища. Полученные данные были объединены в единую модель поверхности.

Литература

Вавулин М.В. Технологии трехмерной оцифровки крупных автономных археологических объектов // Вестник Томского государственного университета, 2016. № 407. С. 55–60.

Иванов А.П., Мазаева Н.И., Осокин С.А. Создание и практическое применение трехмерных моделей на базе стереосъемки сверхвысокого разрешения с космического аппарата GeoEYE-1 // Техника средств связи. Серия: техника, телевидения, 2011. № 1. С. 29–37.

Лбова Л.В., Женест Ж.-М. Трехмерная визуализация в археологии как научно-образовательный ресурс в Новосибирском государственном университете: возможности и ограничения // Вестник НГУ. Серия: история, филология, 2017. Т. 16. № 5. С. 9–21.

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ [Электронный ресурс]: ФЗ от 25.06.2002 № 73-ФЗ – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (02.07.2019).

А.А. Файзуллин

ФГБОУ ВО «Оренбургский ГПУ. faizullin.airat@yandex.ru

Металл в погребальных обрядах ямной культуры Волго-Уралья как индикатор социальной значимости погребенного индивида

Поскольку социальный статус умершего определялся той ролью, которую он играл в системе общественного производства и распределении материальных ценностей, то соответ-

ственно эти процессы должны были отразиться в погребальном обряде [Генинг, 1983, 1989]. По мнению ученых, инвентарь в погребении выступает индикатором социальной роли умершего или социальной позиции общественных групп [Массон, 1976; Ковалева, 1989; Иванова, 2001]. Это отражено и в погребальном ритуале ямных племен. Прежде всего, это относится к предметам из металла. Другим, не менее важным критерием отражающим социальный статус погребенного, являются трудовые затраты на совершение погребального комплекса. Взаимовстречаемость двух этих признаков позволит сделать некоторые выводы о социальном статусе погребенных индивидов с металлическими предметами. Выборка насчитывает 394 погребения из 281 кургана. В данной выборке незначительное количество погребений с металлом – 51 (13 % от общей массы захоронений). Сравнение трудовых затрат будет производиться по уже имеющейся классификации [Моргунова, Файзуллин, 2018].

Погребальный инвентарь в группе 1 тип А встречен в 63 (43 % от общего количества погребений в группе) захоронениях, при этом в 50 из них находилось только по одному предмету.

Изделия из металла (медь): ножи-кинжалы листовидной формы – 9 (6 %), шилья – 7 (5 %), топоры (топоры-молоты) – 4 (3 %), долота – 2 (1 %), тесла – 1 (0.6 %); медные подвески в два и полтора оборота – 2 (1 %).

Погребальный инвентарь в группе 1 тип Б обнаружен в 15 (45 %) захоронениях. Изделия из металла: подвески из меди – 1 (3 %); изделия из метеоритного железа – 2 (6 %).

Погребальный инвентарь в группе 2 тип А отмечен в 63 (44 %) захоронениях.

Изделия из меди: ножи-кинжалы листовидной формы – 7 (5 %), шила – 11 (8 %), мечи и скипетры – 1 (0.7 %); медные подвески – 1 (0.7 %), медное кольцо – 2 (1 %), медный браслет – 1 (0.7 %).

Погребальный инвентарь в группе 2 тип Б встречается в 31 (49 %) захоронениях. Изделия из меди: ножи-кинжалы листовидной формы – 9 (14 %), медные и бронзовые шилья – 7 (11 %), проушные топоры – 2 (3 %), тесла – 2 (3 %), долота – 3 (5 %), копья – 1 (2 %); медная подвеска – 4 (6 %), костяное кольцо – 2 (3 %); серебряная подвеска – 3 (5 %).

Изделия из метеоритного железа – 3 (5 %).

Наряду с орудиями и оружием из меди (в 15 погребениях) отмечаются украшения из меди и серебра в 5 комплексах, в двух случаях – метеоритное железо и человеческие жертвы.

Погребальный инвентарь в группе 3 тип А имеется в 2 (75 %) захоронениях.

Изделия из металла: медное шило – 1 (33 %).

Погребальный инвентарь в группе 3 тип Б встречен в 5 захоронениях (КМ Болдырево 1/1¹; КМ Барышников 6/3; Дедуровский ОК; КМ Утевский I 1/1; КМ Красносамарское I 1/4). Исключением является безынвентарное погребение КМ Грачевка 1/1, но при этом следует отметить как гигантские размеры насыпи и могилы с заплечиками, так и ритуальный характер оформления подкурганной площадки с кострищем, а также следы травмы черепа, нанесенной топором-клевцом.

Изделия из меди: ножи-кинжалы листовидной формы – 2 (33 %), шилья – 2 (33 %), проушный топор – 1 (17 %), долото – 1 (17 %), тесло – 2 (33 %), копье – 1 (17 %); украшения из различных материалов: медная подвеска – 1 (17 %), золотая подвеска – 1 (17 %); изделия из метеоритного железа – 1 (17 %); биметаллические изделия – 1 (17 %).

Погребения в курганах группы 3 типа Б отличаются не только большими размерами погребальных камер, но и богатым их оформлением. Все погребения в группе основные и центральные. Характерно наличие разнообразного инвентаря в могилах, в том числе престижного: оружие и орудия труда из меди, украшения из металлов, изделия из метеоритного железа, биметаллические изделия.

¹ Здесь и далее используется сокращение: КМ – курганный могильник, ОК – одиночный курган; в числителе номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

Рис. Погребения с символами вождества: 1–9 – КМ Болдырево 1/1: (2 – железная стамеска; 3 – медный нож; 4 – речная галька; 5 – железный диск; 6 – копье; 7,8 – медные шилья; 9 – биметаллический рубанок) (по Моргунова 2000: 61–63, рис. 3–5); 10–15 – КМ Барышников 6/3: (11 – медное тесло-молоток; 12 – медное тесло с цапфами; 13 – медное долото; 14 – медный нож; 15 – каменный пест-молот) (по Моргунова, Турецкий 1998: 14–15, рис. 5–6).

Статистические данные свидетельствуют о том, что изделия из меди (ножи, шилья, топоры долота, тесла) встречаются чаще в крупных курганах групп 2 и 3 типа Б. Небольшое количество погребений с изделиями из металла и концентрация их в погребениях под большими насыпями группы 2 и 3 типа Б, вероятно, не случайна, поскольку металл использовался в то время, прежде всего, как важный материал для изготовления прочных и удобных орудий [Рындина, Дегтярева, 2002]. Сама добыча руды, по мнению Е.Н. Черных [2007], для рудокопов была крайне нелегким делом. Овладение приемами выплавки металла из медных руд, получение достаточно химически чистой меди, пригодной для отливки или отковки, также является трудоемким процессом [Черных, 2007]. Погребальный обряд ямной культуры позво-

ляет выделить по профессиональному уровню категорию индивидов, связанных с металлургическим процессом. Мастера металлурги, видимо, были замкнутой группой мастеров ремесленников, а их знания и профессия передавались по наследству [Файзуллин, 2015]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изделия из металла в ямное время представляли особую ценность, и поэтому такой инвентарь следует считать престижным, а погребения с металлическими изделиями – социально значимыми. Еще более престижными представляются биметаллические изделия и изделия из метеоритного железа, поскольку поиск источников и обработка метеоритного железа – сложный технологический процесс [Терехова и др., 1997]. Такие артефакты встречаются крайне редко – в 6 погребениях (2 % от общей выборки погребений).

Статистика показывает связь высоких трудовых затрат с нахождением предметов из металла в захоронениях ямной культуры Волго-Уральского региона. Ярким примером таких захоронений являются погребения лидеров вождей [Файзуллин, 2017], где обнаружены целые наборы металлических предметов, разного назначения (орудия труда, оружие, сакральные символы), а также предметы из метеоритного железа и драгоценных металлов (рис.). Именно поэтому нахождение в погребении ямной культуры предметов из металла является четким индикатором социальной значимости индивида в обществе ямной культуры Волго-Уральского региона.

Работа выполнена при поддержке госзадания Министерства образования и науки РФ № 33.1389.2017/ПЧ, а также при поддержке гранта РФФИ (№ 40031).

Литература

- Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова Думка, 1983. 226 с.
- Генинг В.Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наукова Думка, 1989. 296 с.
- Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины). Днепропетровск: Днепропетровский университет, 1989. 88 с.
- Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.
- Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 55–62.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Курганная группа у хут. Барышниково // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1998. С. 3–16.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus № 2. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест: Stratum plus, 2018. С. 35–60.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М.: МГУ, 2002. 226 с.
- Черных Е.Н. Каргалы. Том V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 320 с.
- Файзуллин А.А. Производственные комплексы ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Проблемы истории, филологии, культуры / Под. ред. М.Г. Абрамзона. Москва-Магнитогорск-Новосибирск: ЗАО МДП, 2015. № 2 (48). С. 112–136.
- Файзуллин А.А. Погребения вождей в ямной культуре Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра РАН. Том 19, № 3 (2). Самара: СНЦ РАН, 2017. С. 389–397.